

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Чуть освѣщаемый луною,
 Дремалъ въ туманѣ Петербургъ,
 Когда съ уныньемъ и тоскою
 Его верхи узрѣлъ мой другъ.
 На облучкѣ, спустивши ноги,
 Въ забытѣ жалкомъ онъ сидѣлъ,
 И объ оконченной дорогѣ
 Въ сердечной думѣ сожалѣлъ.
 Стаканъ послѣдній сиволдая
 Передъ заставой осушилъ,
 И, изъ телѣги вытѣзая,
 Онъ молчаливъ и смутенъ былъ.

II.

Нева широкая струилась
 Близъ постоялаго двора,
 И недалеко серебрилось
 Изображеніе Петра.
 Все было тихо; не спокойно
 Въ душѣ лишь Саши моего,
 И не смыкались невольно
 Глаза потухшіе его—
 Недавно буйнаго студента
 Съ дымящимся отъ трубки ртомъ:
 Онъ, прислонясь у монумента,
 Стоялъ съ потушеннымъ челомъ.

III.

Увы, увы!.. Часы веселья,
 Вы пролетѣли будто сонъ...
 Такъ въ Петербургскомъ новосельѣ,
 Вздохнувши тяжко, молвилъ онъ:

• • • • •

IV.

«Прощайте, звонкіе стаканы,
 И пуншъ, и мощный Ерофей!

• • • • •
 И сны пріятные осѣнять
 Глаза, сомкнутые виномъ,
 И яркіе лучи освѣтять
 Ихъ упоенныхъ крѣпкимъ сномъ!

